

На правах рукописи

ЖАВОРОНКОВ Алексей Геннадьевич

**ЗНАНИЕ В РАННЕГРЕЧЕСКОМ ЭПОСЕ.
ЯЗЫК, ПОЭТИКА, АНТРОПОЛОГИЯ**

Специальность 10.02.14 – классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2010

Работа выполнена в Институте восточных культур и античности
Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук
Гринцер Николай Павлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Россиус Андрей Александрович,
Институт философии РАН

кандидат филологических наук
Малинаускене Надежда Касимовна,
Высшая школа культурологии

Ведущая организация: Высшая школа экономики

Защита состоится "__" _____ 2010 года в __ час. на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета.

Автореферат разослан "__" _____ 2010 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

О.М. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации рассматривается проблематика знания в гомеровском эпосе и в произведениях Гесиода. Работа состоит из трех частей: 1) лексической, где проанализировано употребление шести основных глаголов знания (*οἶδα*, *ἐπίσταμαι*, *νοέω*, *γινώσκω*, *δαῖναι* и *πεύθομαι*) и дано небольшое приложение с обзором нескольких важных слов из корпуса лексики знания, 2) мотивно-тематической¹ части, в которой на примере четырех фрагментов из Гомера и Гесиода показана роль темы знания в конкретных контекстах, 3) общей части, где основное внимание направлено на социальные и антропологические аспекты проблематики знания у Гомера и Гесиода.

В диссертации поставлены две центральные **задачи**: 1) обрисовать лексическую картину знания у Гомера и Гесиода и 2) исследовать концепт знания за рамками лексики знания. В работе проанализированы семантические особенности глаголов знания в их соотношении друг с другом, представлена целостная картина их взаимодействия. С учетом отсутствия специальных работ, посвященных теме знания на сюжетно-тематическом уровне раннегреческого эпоса, рассмотрены особенности знания и его функционирования на основе конкретных текстовых примеров. В рамках третьей (общей) части работы принят во внимание более широкий набор контекстов, чем в лексической и мотивно-тематической части, поскольку представляется очевидным, что тема знания у Гомера и у Гесиода сама по себе значительно шире, чем совокупность всех случаев употребления глаголов знания.

Наличие трех частей работы и их порядок обусловлены логикой анализа: с одного из низших уровней произведения (уровня лексического) осуществлен переход к более высокому, мотивно-тематическому уровню, а затем к общим

---

¹ Вслед за Б. В. Томашевским (см. Томашевский, Б.В. “Теория Литературы. Поэтика”. М.-Л., 1925) и др. представителями формальной школы мы понимаем мотив как элементарную тематическую единицу произведения. Другими словами, мы исходим из того, что тема знания (как и любая другая тема произведения) делится на привязанные к конкретным контекстам мотивы.

вопросам, обсуждение которых предполагает знакомство с базовой (лексической и мотивно-тематической) проблематикой знания.

Методологическую основу работы составляет лексический анализ, т.е. разбор этимологии и семантики выбранных нами глаголов знания в первой главе, а также мотивно-тематический анализ, опирающийся на методологию и некоторую терминологию формальной школы (в частности, Б.В. Томашевского) во второй. В третьей главе общефилологический взгляд на проблему учитывает также и социально-антропологический угол зрения (в частности, противопоставление коллективного и индивидуального в методологии Питера Бергера и Томаса Лукмана²). Иными словами, в диссертации присутствуют элементы междисциплинарного подхода, совмещающего несколько типов анализа. Во второй и третьей части учитываются современные дискуссии, касающиеся рассматриваемых в диссертации проблем (так, в первом разделе второй главы упоминаются все основные работы, специально анализирующие эпизод с состязанием колесниц в 23 песне «Илиады», а в разделе о границах опыта у Гесиода разбирается дискуссия вокруг Theog. 27-8).

Актуальность диссертации подкрепляется фактом наличия большого количества работ о гомеровском эпосе (в традиционно меньшей степени – о Гесиоде), затрагивающих проблематику знания в связи с отношениями между поэтом и его аудиторией, а также между рассказчиком и музами³. В этом свете востребованность проблематики знания в западной научной литературе представляется вполне очевидной. Вместе с тем, тема знания рассматривается, как

---

² Berger, Peter L.; Luckmann, Thomas. *The Social Construction of Reality*. New York, 1966.

³ Ford, Andrew L. *Homer: The Poetry of the Past*. Ithaca, 1992. Minchin, Elisabeth. *Homer and the Resources of Memory: Some Applications of the Cognitive Theory to the Iliad and the Odyssey*. Oxford, 2001. Ledbetter, Grace. *Poetics before Plato: Interpretation and Authority in Early Greek Theories of Poetry*. Princeton, 2003. Stoddard, Kathryn. *The Narrative Voice in the Theogony of Hesiod*. Leiden, 2004.

правило, достаточно узко: историко-философские исследования ориентированы на анализ диахронической эволюции специфической терминологии (Б. Снелль, К. фон Фриц); работы, выдержанные в духе «устной теории» (Л. Прайт⁴, Г. Форд⁵ и др.) рассматривают (прежде всего, на гомеровском материале) мотивы, связанные со знанием поэта, технику его общения с аудиторией. В этой связи, попытка систематического осмысления того, как трактует эпос тему знания в целом, кажется вполне назревшей, тем более что в отечественной науке исследования такого рода в принципе отсутствуют.

Новизна данной диссертации заключается в отходе от наиболее часто используемых методов: в задачу не входит историко-философский анализ лексики, исследование возможных исторических оснований гомеровского эпоса, а также отношений между поэтом и его аудиторией. Заявленная в диссертации позиция позволяет пролить свет на вопросы, до сих пор остававшиеся в тени «генеральной линии» исследований проблематики знания в раннегреческом эпосе: не только системно исследовать лексику знания (основные работы в этой области датируются 20-40 годами прошлого века; многие из них сильно устарели), но и проследить роль мотивов знания в конкретных контекстах (примеры исследований, направленных специально на выявление роли мотивов знания, нам неизвестны) и, наконец, обратиться к антропологическим и социальным аспектам знания (данные аспекты затрагивались в научной литературе чрезвычайно редко и несистематически). Сочетание подобных подходов позволило представить проблематику знания у Гомера и Гесиода в том числе и в междисциплинарной перспективе.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования материалов данного исследования в учебных курсах по дисциплине «Классическая филология», а также в курсах по истории ранней греческой философии и общей эпистемологии (вопрос о происхождении и функционировании знания как теоретического концепта и социального фактора).

---

⁴ Pratt, L. H. *Lying and Poetry from Homer to Pindar. Falsehood and Deception in Archaic Greek Poetics*. Ann Arbor, 1993.

⁵ Ford, Andrew L. *Homer: The Poetry of the Past*. Ithaca, 1992.

Диссертация была **апробирована** в виде: докладов на IX научной студенческой конференции в СПбГУ (2005 г.) и в Феноменологическом центре философского факультета РГГУ (2008 г.), а также статей, опубликованных в журналах «Развитие личности» (№ 3, 2005; № 2, 2006) и «Вестник МГУ: серия Филология» (№ 6, 2009).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех основных глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ указываются цели и задачи работы, обосновывается актуальность исследования и новизна выбранной темы, уточняются рамки исследования, определяется методология анализа, в рамках определения методологической базы исследования проводится обзор научной литературы по лексике знания.

В рамках критического обзора исследований по лексике знания, проведенного для более точного определения подхода к материалу, подробно рассматриваются работы Бруно Снелля⁶, Йоахима Бёме⁷, Герта Пламбёка⁸, Курта фон Фрица⁹, Джеймса Лешера¹⁰, Арбогаста Шмитта¹¹, Бертолин Себриан Рейес¹².

---

⁶ Snell, Bruno. *Die Ausdrücke für den Begriff des Wissens in der vorplatonischen Philosophie*. Berlin, 1924.

⁷ Böhme, J. *Die Seele und das Ich im homerischen Epos*. Leipzig; Berlin, 1929.

⁸ Plamböck, Gert. *Erfassen – Gegenwartigen – Innesein: Aspekte homerischer Psychologie*. Diss. Kiel, 1959. 15ff.

⁹ Fritz, Kurt von. “*NOOΣ and NOEIN in the Homeric Poems*”. *CP* 38 (1943), 79-93. Fritz, Kurt von. “*Nous, Noein and their Derivates in Pre-Socratic Philosophy (Excluding Anaxagoras)*”. *CPh* 40 (1945), 223-42; *CPh* 41 (1946), 12-34.

¹⁰ Leshner, J.H. “*Perceiving and Knowing in the Iliad and Odyssey*”. *Phronesis* XXVI (1981), 2-24. Leshner, J.H. “*The Emergence of Philosophical Interest in Cognition*”. В сб.: *Oxford Studies in Ancient Philosophy* XII (1994).

Как становится видно из критического обзора, основным вопросом, возникающим в связи с глаголами знания, является вопрос об отношениях между знанием, восприятием и мыслительным процессом. В центре дискуссии оказываются, в первую очередь, глаголы *οἶδα*, *γιννώσκω* и (в особенности) *νοέω*. И сторонники «линии Снелля», и последователи Й. Бёме демонстрируют весьма схожую логику рассуждений: они стараются показать различия между упомянутыми глаголами и провести четкую границу между их семантическими полями (с акцентом на чувственном восприятии или на интеллектуальной деятельности, соответственно). При этом некоторые из упомянутых исследователей гомеровской лексики невольно пытаются «осовременить» ее, включая ее в другую, нежели гомеровская, систему координат (так, Б. Снелль использует для сравнения концепции Платона и Аристотеля) и стремясь найти различие между восприятием и мышлением там, где это различие еще не было сформулировано.

ПЕРВАЯ ГЛАВА посвящена разбору шести глаголов знания (*οἶδα*, *ἐπίσταμαι*, *νοέω*, *γιννώσκω*, *δαῖναι* и *πεύθομαι*). После краткого экскурса в этимологию и семантику слова и приведения статистической (частотность употребления) и синтаксической (субъекты и объекты при глаголе) информации об употреблении глагола и его производных у Гомера и Гесиода основное внимание уделяется аспектам, требующим более подробного изучения. Сюда относятся:

- связь лексики знания с ощущениями (зрение, слух, обоняние как каналы получения и передачи информации);
- особенности знания, описываемого определенным глаголом (знание богов и людей, (не)достоверность знания, (не)ограниченность знания определенной областью, возможность практического применения или переработки полученной информации и др.);

---

¹¹ Schmitt, Arbogast. *Selbständigkeit und Abhängigkeit menschlichen Handelns bei Homer*. Mainz-Stuttgart, 1990.

¹² Reyes, Bertolín Cebrian. *Die Verben des Denkens bei Homer*. Diss. Innsbruck, 1996. S. 48-73.

- тематическая роль лексики знания, позволяющей рассказчику «фокусировать» внимание аудитории на определенных мотивах, связанных с темой знания;
- коммуникативная функция лексики.

Анализ каждого из глаголов знания приводит следующим выводам:

1. Глагол *οἶδα* выражает любое знание, которым обладают (или не обладают). Оно выражает форму опыта, полученного через зрение¹³ (или, значительно реже, через слух¹⁴). Наряду с наличным знанием («знать что-л./кого-л.»¹⁵, «обладать опытом») *οἶδα* охватывает и различные области его возможного применения («быть сведущим в чем-л.»¹⁶).

Как центральный глагол знания, *οἶδα* связан с целым рядом важных мотивов знания. Сюда относятся мотивы абсолютного знания, передаваемого/получаемого знания, непрочного знания, ложного знания, редкого знания, а также избыточного знания¹⁷. При этом Гесиод, в отличие от Гомера, говорит о редком знании и о ложном (а точнее, потенциально недостоверном, недоступном для верификации)

¹³ Например, в *ii.108*, когда Антиной, обвиняя Пенелопу в хитрости, говорит о рассказе служанки, ясно видевшей (*ἦ σάφα ἤδη*), что Пенелопа ночью распускает пряжу. Здесь видна амбивалентность *οἶδα*, позволяющая предполагать две возможности перевода: «...которая ясно [это] знала» и «...которая ясно [это] видела».

¹⁴ См. Главк о своей родословной в *VI.150-1*. См. тж. *XX.203-5*.

¹⁵ ¹⁵ Так, в *XX.203-5* Эней говорит Ахиллу, что они оба знают родословную и родителей друг друга со слов других, при том что никогда не видели родителей друг друга собственными глазами (*ἴδμεν δ' ἀλλήλων γενεήν, ἴδμεν δὲ τοκῆας / πρόκλυτ' ἀκούοντες ἔπεα θνητῶν ἀνθρώπων / ὄψει δ' οὔτ' ἄρ πω σὺ ἐμοὺς ἴδες οὔτ' ἄρ' ἐγὼ σοῦς*).

¹⁶ См., например, *VII.236*, когда Гектор отвечает Аяксу, что искушен в битвах и убийствах (*ἐγὼν εἶ οἶδα μάχας τ' ἀνδροκτασίας τε*). Ср. *II.718-20*.

¹⁷ См. например *iv.379=iv.468*, *II.485-6* (абсолютное знание); *V.183*, *VI.367*, *XV.16*, *ii.332-3* и *iii.216-7* (непрочное знание); *Op. 814* и *Op. 824* (редкое знание); *XIX.421*, *XX.201=432*, *XXIV.105*, *v.215*, *x.457* и *xiv.365* (избыточное знание).

знании, исходящем от богов¹⁸. Таким образом, у Гесиода непреодолимая граница между человеческим и божественным знанием становится более заметной, нежели в гомеровском эпосе, аудитория которого узнаёт в том числе и о замыслах и воле богов.

Коммуникативная роль *οἶδα* заключается, в первую очередь, в указаниях на предварительное получение знания¹⁹, приводящее к наличию или (в случае непродуктивной коммуникации) к отсутствию у персонажа того или иного знания.

2. Семантическое поле *ἐπίσταμαι* – глагола, встречающегося почти исключительно у Гомера – значительно уже, чем у *οἶδα*, и лежит в сфере практического умения (в зависимости от контекста – ограниченного или неограниченного определенной областью). *οἶδα* и *ἐπίσταμαι* не противопоставляются друг другу, поскольку *οἶδα* (помимо множества других возможностей его употребления) может выступать в роли *ἐπίσταμαι*²⁰.

ἐπίσταμαι имплицитно подразумевает наличие связи между сферой богов и сферой людей: боги выступают в роли наставников, передающих людям знание в определенных областях²¹. Соответственно, мотив наличия или отсутствия опыта является для этого глагола основным²². Данный мотив, в свою очередь, связан с мотивом взросления и приобретения опыта, позволяющего принимать разумные решения²³. Коммуникативная роль *ἐπίσταμαι* ограничена случаями, в которых идет речь о передаче знания от богов людям.

---

¹⁸ См. Theog. 27-8.

¹⁹ Например в xiv.365-6 (а также в др. случаях с употреблением *οἶδα καὶ αὐτός*) и в iv.632-3.

²⁰ См. VII.236, а также II.718-20, VII.236.238-41, XI.717-9.

²¹ См. например vii.110 (Афина и жены феаков), а также XI.842-8 (врачебное знание Патрокла получено от Ахилла, который, в свою очередь, научился ему у кентавра Хирона (XI.831-2)).

²² В частности, в v.245; xvii.341; xxi.44; xxiii.197, xx.161 и X.265 (строительство и ремесленная деятельность: обработка дерева и металла), а также в xii.307, xix.422 и xx.159 (приготовление еды, в т.ч. разделывание мяса).

²³ Так, в xvi.374 Антиной призывает женихов избавиться от Телемаха, поскольку он может помешать исполнению их планов: *αὐτὸς μὲν γὰρ ἐπιστήμων βουλῆ τε νόω τε*. Ср. слова

3. Глагол *νοέω* из-за частоты употребления и разнообразия семантики можно назвать вторым центральным глаголом знания. Связь этого глагола с *οἶδα* характеризуется отношениями дополнительной дистрибуции. Оба глагола полисемичны и при этом относятся к разным аспектам знания: *οἶδα* описывает факт обладания знанием (или его отсутствия), в то время как *νοέω* указывает на процесс мышления²⁴ и получения знания (посредством чувственного²⁵ и/или интеллектуального зрения²⁶). Здесь можно говорить не о первичном (получаемом напрямую от другого), а о вторичном знании (как результате размышления и обработки первичного знания). Отношения между *οἶδα* и *νοέω* наиболее наглядно демонстрируют примеры, в которых оба глагола появляются рядом друг с другом²⁷.

Важные для *νοέω* мотивы знания фактически представляют собой две стороны одного и того же мотива. Наличие или отсутствие способности «разглядеть» суть ситуации и принять верное решение²⁸ связано с интеллектуальным аспектом глагола, а узнавание/распознавание наблюдаемого объекта²⁹ – с чувственным.

Телемаха в xviii.228-30. Здесь видна четкая связь между *ἐπιστήμων*, указывающим на недавно приобретенные умения Телемаха, и *οἶδα*, подтверждающим «рост знания» Телемаха, символизирующий его переход из раннего возраста в более зрелый и дающий ему возможность использовать упомянутые умения.

²⁴ См. например значение «планировать» в XXIV.560 (Ахилл говорит Приаму, что сам планирует отдать ему тело Гектора) или «понимать» в Theog. 488.

²⁵ См. i.257, vii.290 и XXIV.294=312.

²⁶ Например, в vi.66-7 (Алкиной распознаёт намерения дочери) и в ix.442 (Полифем не понимает хитрости Одиссея).

²⁷ См. xviii.228-30 (а также xx.309-10): *αὐτὰρ ἐγὼ θυμῷ νοέω καὶ οἶδα ἕκαστα / ἐσθλά τε καὶ τὰ χέρεϊα· πάρος δ' ἔτι νῆπιος ἦα*. Произносящий эту фразу Телемах называет свое прежнее состояние состоянием *νῆπιος*. В этом состоянии он не владел (или плохо владел) способностями *νοέω*, дающими возможность на основе предварительно имеющегося знания (*οἶδα*) распознавать хорошее и плохое.

²⁸ ix.442, Theog. 488, Op. 89.

²⁹ V.590, IV.199-200, III.30-1, vi.162-3.

4. Глагол *δάω, как и οἶδα, связан с опытом, но не требует обязательного указания на конкретный его источник. В то же время, *δάω по своему характеру не столь статичен, как οἶδα, и не связан только с прошлым (уже полученным и имеющимся знанием) и в некоторых случаях может указывать на грядущие, еще не совершившиеся события³⁰, в то время как οἶδα всегда указывает на имеющийся в настоящем результат законченного действия. Однако и в случае с οἶδα, и в случае с *δάω преобладает семантика фактического, наличного знания³¹, а не его обретения как некоего процесса. Производные от *δάω (δαήμων, ἀδαήμων и ἀδαημονίη) всегда имеют при себе конкретное указание на область опыта, являющуюся объектом знания, – будь то спортивные состязания, танцы, нарезание мяса³² или же испытываемые героями бедствия³³. *δάω не только связан с важными мотивами (получение знания через обогащение опыта³⁴ или через обучение³⁵; верификация полученного знания), но и играет важную коммуникативную роль, так как описывает различные формы получения знания от другого³⁶.

5. Глагол γινώσκω, семантически связанный со зрением, обозначает, в первую очередь, быстрое узнавание одушевленного или неодушевленного объекта,

---

³⁰ Так, в II.299-300 Одиссей предлагает собравшимся ахейцам подождать с отплытием, дабы узнать, верно ли пророчество Калханта о взятии Трои ахейцами (τλήτε φίλοι, καὶ μείνατ' ἐπὶ χρόνον ὄφρα δαῶμεν ἢ ἐτεὸν Κάλχας μαντεύεται ἦε καὶ οὐκί).

³¹ В частности, в viii.133-4 и xix.325-6.

³² См, соответственно, XV.410-2, viii.262-3 и xvi.253.

³³ См. xii.208: ὦ φίλοι, οὐ γάρ πώ τι κακῶν ἀδαήμονές εἰμεν (Друзья, мы ведь совсем не неопытны в бедствиях).

³⁴ i.3, iv.267-8.

³⁵ См. напр. XV.410-2 (в связи с Афиной как «божественным наставником»).

³⁶ Глагол, как и его производные, часто встречается в тех случаях, когда персонажу указывают на необходимость или возможность получения или передачи знания (как в iii.186-7) или когда персонаж уведомляет окружающих о наличии или отсутствии у себя или у собеседника опыта в определенной области (например в viii.159-60)).

основанное на уже имеющемся у персонажа опыте (для того, чтобы что-то узнать, надо заранее иметь представление об этом)³⁷, и намного реже указывает на распознавание той или иной ситуации. Связанное с получением нового знания значение «позна(ва)ть» (т.е. узнавать что-то *впервые*) представлено небольшим числом примеров³⁸. Несмотря на кажущуюся ограниченность семантического поля, глагол обнаруживает любопытную двойственность: узнавание может касаться как внешнего (то, как персонаж выглядит³⁹ (или как выглядят его характерные атрибуты) или ведет себя), так и внутреннего (образ мыслей персонажа⁴⁰) признака.

Основным мотивом, связанным с *γινώσκω*, является мотив легкого узнавания⁴¹. Гораздо реже мы встречаем мотив испытания чего-либо на собственном опыте⁴². Коммуникативная роль глагола малозначительна.

---

³⁷ См. сцены с узнаванием одушевленных объектов: Телемах, узнающий Афины (i.420; ср. сцену узнавания Афины Ахиллом в I.199-200³⁷), товарищи Одиссея, узнающие его (x.397), и длинная череда встречающихся Одиссею в Аиде душ умерших, которые его узнают (xi.91 – Тиресий; xi.153 – мать Одиссея; xi.390 – Агамемнон; xi.471 – Ахилл; xi.615 – Геракл), узнающий Махаона Патрокл (XI.651), Гектор, приходящий в себя и узнающий стоящих вокруг соратников (XV.240-1), и узнающая «признаки» Одиссея Пенелопа (xix.250=xiii.206), и т. д. Неодушевленные объекты, становящиеся предметами узнавания: жребий Аякса и жребии других героев (VII.185.189), одежда Одиссея (vii.234), Итака (xiii.188), дом Одиссея (xvii.273) и рубец на ноге Одиссея (xix.392).

³⁸ См., в частности, объяснение Одиссеем причины, по которой он щадит Медона (xxii.373-4): *ὄφρα γινῶς κατὰ θυμόν, ἀτὰρ εἴπησθα καὶ ἄλλω, / ὡς какоεργίης εὐεργεσίη μέγ' ἀμείνων (...дабы ты познал/понял и сказал другому, что доброе дело лучше злого)*. Еще один типичный случай – слова Аякса, осознающего близость ахейцев к поражению (XVII.629-30): *ὦ πόποι ἤδη μὲν κε καὶ ὃς μάλα νῆπιός ἐστι / γινώη ὅτι Τρώεσσι πατήρ Ζεὺς αὐτὸς ἀρήγει (Увы, и самый неразумный уже может понять, что сам отец Зевс помогает троянцам)*.

³⁹ Например, когда в XV.241 очнувшийся Гектор узнаёт окружающих его соратников, подразумевается, что ему хорошо известны их лица и он может легко опознать каждого из них.

⁴⁰ См. XX.20 (Зевс Афине: *ἔγνωσ ... ἐμὴν ... βουλήν*) и IV.357 (Агамемнон успокаивает Одиссея, т.к. замечает, что тот злится: *ὡς γινῶ χωόμενοιο*).

⁴¹ См. примеры с сопроводительными словами: *αἰψα*, «тотчас» (xi.390, xi.615), *αὐτίκα*, «сразу» (xi.153, xix.392, XVII.153-6), *εὖ*, «хорошо» (XI.526-7) и *ῥεῖα*, «легко» (xvii.273).

⁴² xxii.373-4, XVII.629-30.

6. Глагол *πυνθάνομαι/πεύθομαι*, в отличие от большинства глаголов знания, связан не со зрением, а со слухом, поскольку описывает ситуации, при которых персонаж или расспрашивает другого с целью получить конкретную информацию, или уже обладает информацией, полученной от другого или других персонажей: из конкретного («расспрашивать»⁴³) либо из абстрактного, неуточненного («быть осведомленным»⁴⁴) источника. Объектами такого знания, полученного от других, являются конкретные факты, а не, к примеру, умения (как в случае с *οἶδα*). Как видно из его значений (от «быть осведомленным» до «расспрашивать»), *πυνθάνομαι/πεύθομαι* имеет «диалогический» характер: оно обозначает устную передачу знания.

В гомеровском тексте *πυνθάνομαι/πεύθομαι* часто приобретает тот оттенок финальности, который оказывается присущим и **δάω*, означая не только «узнавать», но и «быть осведомленным»/«знать». Будучи не связанным с обучением как получением опыта, *πυνθάνομαι/πεύθομαι* фактически берет на себя роль основного глагола, употребляемого в связи с темой познания как такового (это выражено в значениях «расспрашивать» и «узнавать»). Как и **δάω*, *πυνθάνομαι/πεύθομαι* играет важную коммуникативную роль благодаря особенностям его семантики, связанной, с одной стороны, с расспрашиванием, а с другой стороны, с осведомленностью говорящего (или упомянутого говорящим лица⁴⁵), предварительно узнавшего ту или иную информацию от других.

⁴³ См., например, совет Кирки Одиссею, касающийся его поведения в Аиде (x.536-7): *μηδὲ εἶν νεκύων ἀμνητὰ κάρηνα / αἵματος ἄσσον ἔμεν πρὶν Τειρεσίαο*⁴³ *πυθέσθαι* («...и не давать лишенным сил мертвым приблизиться к крови, пока не расспросишь Тиресия»). Ср. предостережение Афины в xiii.335-6.

⁴⁴ См. вопрос души Ахилла, обращенный к Одиссею (xi.494): *εἰπέ δέ μοι Πηλῆος ἀμύμονος εἴ τι πέπυσσαι* («Скажи мне, знаешь ли ты что-нибудь о безупречном Пелее?»). Ср. ii.411-2 (Пенелопа не знает о готовящемся отплытии сына в Пилос).

⁴⁵ См. xi.75-6 (в связи с мотивом получения потомками знания о происходящих событиях), а также xxi.255, xxiv.433-5. Ср. тж. слова Агамемнона о позорности отступления из-под Трои (II.119: *αἰσχρὸν γὰρ τόδε γ' ἐστὶ καὶ ἔσσομένοισι πυθέσθαι*).

По итогам лексического анализа соотношение семантики основных глаголов знания можно представить следующим образом:

Из всех лексических групп (за исключением группы *νοέω*) *οἶδα* является наиболее обширной (как по частоте употребления входящих в нее слов, так и по семантике). Благодаря широте своего семантического поля глагол *οἶδα*, связанный со зрением, обозначающий наличное знание и часто указывающий на область его возможного применения, может «вторгаться» в семантические поля других глаголов знания (*ἐπίσταμαι*, *πέυθομαι*, *δαῖναι* и *γιννώσκω*). В то время как *οἶδα* описывает факт обладания знанием, за комплексный процесс передачи и обработки знания у Гомера отвечает глагол *νοέω*, связанный с мыслительными процессами: обдумыванием, принятием решений, планированием и т.д. С учетом широты семантики и частоты употребления *οἶδα* и *νοέω* можно назвать двумя центральными глаголами знания. Семантическую близость к *οἶδα* демонстрируют глаголы **δάω* и *ἐπίσταμαι*. Первый связан с обучением как источником знания и часто имеет при себе конкретное указание на область опыта, а второй связан исключительно с конкретными практическими умениями. *γιννώσκω* более близок не к *οἶδα*, а к *νοέω*, так как достаточно часто вторгается в семантическое поле последнего: в частности, когда персонаж получает новый опыт и/или что-то осознаёт. Здесь (как и в случае с *νοέω*) мы имеем дело со вторичным знанием и со способностью персонажа сделать правильные выводы и принять верное решение. *πυνθάνομαι* близок к *οἶδα*, но связан со слухом, а не со зрением (как *οἶδα*): во многих случаях он указывает на расспрашивание как источник получения знания. Кроме того **δάω* всегда указывает на знание, полученное из первых рук, в то время как *πυνθάνομαι* относится к знанию, полученному через посредников.

В приложении к первой части работы дополнительно рассмотрены четыре важных для дальнейшего анализа слова (*σῆμα*, *μῆτις*, *νόος* и *νήπιος*). Основное значение *σῆμα* — «знак», «признак». При этом *σῆμα* тесно связано с мышлением и

памятью, т.к. выступает своего рода «контейнером» для хранения важного знания. Для *μητις* основными значениями являются «мера»/«план»/«(хитрый) замысел» (как в положительном, так и в отрицательном контексте) и «разум». В отличие от «практического» *μητις*, *νοος* обозначает не только способность, которая может иметься или отсутствовать у персонажа, а относится к сфере интеллектуального в целом как к неотъемлемой и абсолютно необходимой составляющей личности. Основное значение слова («ум»/«разум»/«интеллект») в зависимости от контекста может приобретать более практический оттенок, трансформируясь в «рассудок», «образ мыслей», «настрой» или «план». В свою очередь, для *νήπιος* основным (наиболее общим) значением является «неразумный», с подразумевающимся указанием на незрелость персонажа и возможное несоответствие его поведения его возрасту и роли в обществе.

ВТОРАЯ ГЛАВА представляет собой разбор четырех эпизодов (по одному из «Илиады», «Одиссеи», «Трудов и дней» и «Теогонии»). В качестве критериев выбора материала послужила сюжетная важность роли темы знания в эпизодах, а также уникальность изображенных в них ситуаций: эпизоды состязания на колесницах, пребывания Одиссея у Кирки, конфликта Прометея с Зевсом (в трактовке «Трудов и дней» и «Теогонии») являются единственными в своем роде и не имеют близких текстовых параллелей в соответствующих произведениях. Выбранные нетипичные эпизоды наглядно продемонстрировали, что тема знания присутствует не только в типичных сценах (например, в сценах собраний, разбор которых, как и разбор других типичных сцен присутствует в третьей части работы), а пронизывает весь текст, причем в некоторых случаях (в частности, в эпизоде на острове Кирки) играет структурообразующую роль.

В качестве **первого эпизода** была выбрана сцена состязания колесниц (II.XXIII.262-623) и, в первую очередь, ее центральный элемент: совет Нестора Антилоху и хитрость Антилоха во время состязания. Лейтмотивом эпизода оказывается не то, что Антилох следует совету своего мудрого отца (и то, как он это

делает), а совершенно обратное: то, что он ему *не* следует (т.е. речь идет о более мягком варианте «негативного примера»), в отличие от катастрофических в своих последствиях фактов игнорирования советов – Агамемноном в 1 песне «Илиады» и Гектором в 18). Поддавшись эмоциям, Антилох забывает о важности разумного подхода и, игнорируя ценное знание, переданное ему отцом, пытается решить всё по-своему, что, в конечном счете, приводит к его конфликту с Менелаем и вынужденному признанию собственной неправоты. Иными словами, в этом эпизоде знание Нестора, связанное с почтенным возрастом и богатым опытом, противопоставлено незнанию и юношеской горячности его сына. Наиболее эмоциональной (и, соответственно, лишенной разумного элемента) составляющей оказываются действия Антилоха во время гонки⁴⁶ и сразу после нее⁴⁷, а совет Нестора, ответная речь Антилоха к Менелая⁴⁸ и финал эпизода (примирение Антилоха и Менелая) представляют собой образец разумного подхода, гарантирующего благоприятное развитие событий.

Основной для эпизода является тема разума, лексически выраженная в настойчивом упоминании о *μητις* (как о необходимом для достижения победы

---

⁴⁶ Во время гонки Антилох съезжает с дороги, а затем снова возвращается в узком месте, буквально выталкивая колесницу Менелая, и при этом игнорирует призывы Менелая сбавить скорость и проявить разум и осторожность (XXIII.426-8). Рассерженный Менелай ставит под сомнение разум своего соперника и говорит о том, что заставит его принести клятву перед богами (439-41): *Ἀντίλοχ' οὐ τις σείο βροτῶν ὀλοώτερος ἄλλος· / ἔρρ', ἐπεὶ οὐ σ' ἔτυμόν γε φάμεν πεπνῦσθαι Ἀχαιοί. / ἀλλ' οὐ μὰν οὐδ' ὧς ἄτερ ὄρκου οἴσῃ ἄεθλον).*

⁴⁷ После того, как первое место ему не достается (победителем гонки оказывается Диомед), а второе место Ахилл, как устроитель и распорядитель состязаний, решает отдать Эвмелу, возмущенный Антилох пытается оспорить решение, напоминая, что Эвмел, несмотря на свои выдающиеся качества, пострадал по воле богов.

⁴⁸ Отдавая должное старшинству Менелая и его более выдающимся качествам (XXIII.587-8: *πολλὸν γὰρ ἔγωγε νεώτερός εἰμι / σείο ἄναξ Μενέλαε, σὺ δὲ πρότερος καὶ ἀρείων*), Антилох признаёт, что впал в ошибку, поскольку он сам еще молод, его ум опрометчив (590: *κραίπνότερος μὲν γάρ τε νόος*), а разум еще слишком скуден (590: *λεπτή δέ τε μητις*)

инструменте)⁴⁹, а также в использовании слов *ἀριφραδέες*, дополнительно указывающего на важность внимательного обдумывания, и *πεπνυμένος*, описывающего основное качество Антилоха, временно утерянное им в ходе состязания⁵⁰.

Вторым эпизодом стала сцена на острове Кирки (Od.x.135-574), где все основные события прямо связаны с темой знания. Незнание Одиссея и его соратников⁵¹ становится импульсом для развития сюжета с экспедицией. Удачная западня, расставленная Киркой, служит примером торжества хитрости и магического, присущего богам, знания над обыденным, ограниченным знанием и неопытностью людей. В описании встречи Одиссея и Гермеса (x.281ff.) та же оппозиция (мотивы обыденного знания и неопытности вновь противопоставлены магическому, божественному знанию) используется иначе: божественное знание служит восполнению недостаточного опыта, кардинально меняя ситуацию и ставя Одиссея в позицию превосходства над Киркой. В свою очередь, неудача Кирки не только устраняет опасность, но и, наряду с важным мотивом припоминания, дает импульс новому «витку» знания⁵², где главную роль играют инструкции Кирки, касающиеся дальнейших путешествий Одиссея, а также (на промежуточном этапе) инструкции Тиресия, за знанием которого Кирка посылает Одиссея в Аид. Фактически тема знания, регулярно повторяющаяся на протяжении Апологий (в эпизоде с Полифемом (хитрость Одиссея и невежество циклопа), с Киркой (знание как «противоядие» от чар богини), с путешествием в Аид (получение знания от Тиресия), пребыванием у Калипсо (забвение родины), пиром у феаков (воспоминания о прошлых событиях)), становится едва ли не самым главным связующим звеном, благодаря которому фрагменты путешествий Одиссея словно сами собой «нанизываются» друг за другом.

---

⁴⁹ См., в первую очередь, фрагмент из речи Нестора (XXIII.313-8).

⁵⁰ Ср. XXIII.570 и XXIII.586. См. тж. анализ в [Schmitt 1990: 210].

⁵¹ x.190-3

⁵² Удивляясь своей неудаче (x.325-9), Кирка сразу же припоминает предсказание Гермеса о визите Одиссея (330-2).

Лексически основной для эпизода мотив незнания/неопытности выражен посредством слов *ἄιδρις* («незнающий, несведущий») и *ἄιδρείη* («незнание, отсутствие опыта»)⁵³.

Два следующих, рассмотренных вместе эпизода (OD 47-105; Theog. 507-616) – о Зевсе, Прометее и Пандоре, рассказанные в «Трудах и днях» и в «Теогонии», – заметно отличаются друг от друга: так, в «Трудах и днях» ничего не говорится о первой хитрости Прометея, делившего мясо на пиру людей и богов; люди в «Трудах и днях» существуют отдельно от богов, а не вместе с ними, как в «Теогонии»; действия Зевса в «Теогонии» и «Трудах и днях» также не совпадают друг с другом (в «Трудах и днях» Зевс сам выступает в роли обманщика); в «Трудах и днях» важная часть повествования касается Эпиметея, о котором лишь вскользь упоминается в «Теогонии»; бедствия, принесенные Пандорой, по-разному трактуются в двух эпизодах – и т.д.⁵⁴ С точки зрения темы знания мы видим различия в акцентах: в финале эпизода в «Трудах и днях» ключевую роль играет мотив разума и неразумия, в то время как весь ход конфликта Зевса и Прометея в «Теогонии» решается через противопоставление непревзойденной хитрости и абсолютного знания. Существенной особенностью, общей для двух эпизодов, на первый взгляд представляется тема противостояния хитрости/обмана и могущества/абсолютного знания. Однако если в «Теогонии» Зевс побеждает за счет своей власти и абсолютного знания, то в «Трудах и днях» он еще и оставляет за собой последнее слово в «соревновании в хитрости», придумывая Пандору в наказание людям и в отместку за обман Прометея. Различие в акцентах отражает различие в установках двух поэм: в «Трудах и днях» роль разума, превосходящего любой обман, важна в связи с наставлениями рассказчика брату, в то время как в «Теогонии» показана, в первую очередь, сила и абсолютное знание Зевса, легитимирующие его первенство среди богов.

---

⁵³ См. х.231=х.257 (рассказ Эврилоха) и х.281.

⁵⁴ См. тж. список отличий у Ж.-П. Вернана (Vernant, Jean-Pierre. “Le mythe prométhéen chez Hésiode (Théogonie 535-616; Travaux 42-105)”. В сб.: В. Gentili; G. Paioni (edd.), *Il mito greco*. Atti del Convegno Internazionale, Roma 1977, 91-106.).

Конфликт Зевса с Прометеем четко выражен на лексическом уровне. С одной стороны – *μητις* Прометея, его способность *πάντων πέρι μῆδεα εἰδέναι*, т.е. строить замыслы (лучше всех), а также *κλέπτειν*, *ἐξαπατάω*, *ἐξαπαφίσκω* (в «Теогонии») *κρύπτω* и *λανθάνω* (в «Трудах и днях»), уточняющие, что замыслы Прометея направлены на обман. С другой стороны – *νόος* Зевса, связанный с его абсолютным знанием, недоступным для обмана и дающим возможность предвидеть еще не совершившиеся события, «узревая» хитроумные замыслы оппонента (что, в свою очередь, не дано сделать тому же Эпиметею). В «Теогонии» заметен постепенный перенос акцентов с хитрости и обмана Прометея на всезнание Зевса, завершающийся логичным выводом в 613. В «Трудах и днях» обман остается главной темой на протяжении всего эпизода: Зевс в конфликте с Прометеем показывает свою способность переиграть оппонента в его же игре, обманув самого искусного обманщика. Вместо прямого вывода о превосходстве Зевса повествование заканчивается описанием слабости его противников, а точнее – ошибки Эпиметея, не обладающего способностью заранее (а не *post factum*) увидеть и осознать (*νοέω*) чужие замыслы.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ работы совершен переход к более общему внутрисюжетному анализу особенностей, связанных с функционированием знания у Гомера и Гесиода. Последовательно рассматриваются следующие вопросы: знание и граница между богами и людьми, знание и восприятие (зрение и слух), знание и границы опыта, знание и поколения людей, социальные факторы знания, знание и социальная иерархия, оценка знания и ее связь с социальным статусом, коллективное знание, индивидуальное знание.

Различия между **божественным** и **человеческим знанием** у Гомера и Гесиода являются *квантитативными*, но *не квалитативными*. Иными словами, нет никакого *логического барьера*, который мешал бы людям получать знание от богов. Знание гомеровских богов (в отличие от Зевса у Гесиода) нельзя назвать

абсолютным в полном смысле слова⁵⁵. Тем не менее, для людей боги являются эталоном абсолютного знания, недостижимого для любого смертного человека (будь то обычный человек или пророк, способный «заглянуть» в глубины знания богов и «извлечь» оттуда небольшую его часть). При этом у Гесиода, в отличие от Гомера⁵⁶, боги не только являются носителями эталонного знания, но и могут следить за соблюдением установленных ими принципов жизни⁵⁷.

У Гомера и Гесиода речь идет о **двух каналах восприятия**: зрении и слухе. Персональный опыт (полученный персонажем напрямую, без посредников) связан, в первую очередь, со зрением⁵⁸. Слух, в свою очередь, связан с передачей знания (будь то традиционное знание или же знание, связанное с конкретной ситуацией), а «слуховые» глаголы знания могут указывать на его источники⁵⁹. Знание, полученное посредством зрения, имеет приоритет перед знанием, полученным на слух⁶⁰. У Гесиода зрительный фактор приобретает тем больший вес, поскольку у него больше внимания уделено индивидуальному знанию, в т.ч. в связи с сюжетными особенностями «Трудов и дней»⁶¹.

---

⁵⁵ Внутри божественной сферы есть место незнанию: так, в 14-й песне «Илиады» Зевс, оболыщенный Герой, не подозревает о том, что Гера, Афина и другие боги и богини нарушают его запрет, помогая ахейцам.

⁵⁶ Гомеровские персонажи могут ссылаться на авторитет богов как защитников традиций и справедливости, но сами боги весьма далеки от того, чтобы лично и всякий раз наказывать людей за их преступления. Ср. [Yamagata 1994: 242f.]: ожидания тех, кто не может отомстить за себя сам, заключаются в мести богов. Однако боги распределяют поощрения и наказания согласно *μοῖρα*, что, в свою очередь, не совпадает с человеческими представлениями о справедливости.

⁵⁷ Так, Зевс наказывает правителей за несправедливость (OD 9). Ср. OD 229, где говорится о войне как о наказании, посланном Зевсом.

⁵⁸ Например, в i.3: *πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα*.

⁵⁹ Ср. примеры выше, в т.ч. для *καὶ ἔσσομένοισι πυθέσθαι* (в связи с мотивом получения знания потомками).

⁶⁰ См. II.485-6 (*ὑμεῖς γὰρ θεαὶ ἐστε πάρεστε τε ἴστε τε πάντα, / ἡμεῖς δὲ κλέος οἶον ἀκούομεν οὐδέ τι ἴδμεν*).

⁶¹ Ср. тж. начало «Теогонии», где повествуется о необычном «видении» рассказчика: его встрече с музами на Геликоне.

Знание обычного человека у Гомера и Гесиода ущербно и ограничено его физическими и умственными возможностями: первичное знание он получает из своего непосредственного окружения через зрение и слух, а вторичное – путем обдумывания, т.е. обработки и переработки имеющейся информации. Люди хорошо осознают свои возможности и всячески подчеркивают ограниченность, неполноту, а часто и недостоверность своего знания. Общение с другими людьми, а также божественное вмешательство позволяет людям прорвать границы персонального опыта и узнать что-то принципиально новое и в обычной ситуации недоступное для них⁶². На примере поэтов и прорицателей, находящихся в контакте с божественной сферой⁶³, мы видим, где проходит граница между обычным опытом, получаемым в рамках сферы людей, и опытом «сверхъестественным», недоступным обычным людям без вмешательства богов. В отличие от гомеровской ситуации, у Гесиода размывается граница между правдой и ложью. Тезис об относительности истины (Theog. 27-28) резко отличает тексты Гесиода от гомеровских: если у Гомера оппозиция знания истинного и ложного является основной для темы знания, то у Гесиода ставится под сомнение сама легитимность этой оппозиции.

Три возрастные группы, выделяемые у Гомера, различаются по объему накопленного знания и опыта, а также по степени своего участия в общественной жизни. Дети еще не обладают разумом, достаточным багажом знания и, следовательно, не способны принимать никакого участия в социальной деятельности⁶⁴. Молодые, благодаря большому запасу знания, уже включены в

---

⁶² См. v.97-115, xv.10-42 (божественные вестники: Гермес, Афина), II.308-32 (знамение о разрушении Трои на десятый год войны) и ii.146-76 (знамение о возвращении Одиссея и гибели женихов) и т.п.

⁶³ Прорицатели получают его часть божественного знания как особую форму *персонального* опыта, обретаемого через зрение. Ср. слова Феоклимена в хх.367-8: <...> *νοέω κακὸν ὕμιν / ἐρχόμενον* (...я вижу приближающееся к вам несчастье).

⁶⁴ Так, когда в iv.26-29 советник Менелая Этеоней спрашивает, отослать ли чужестранцев (Телемаха и Писистрата) или же всё-таки принять их, Менелай сильно гневается на него и удивляется его неразумным словам, характерным скорее для ребенка и противоречащим обычному разумному поведению Этеоней (*οὐ μὲν νήπιος ἦσθα, Βοηθοῖδῃ Ἐτεωνεῦ, / τὸ πρίν*·

сообщество и участвуют в совместной деятельности⁶⁵, хотя и могут совершать серьезные ошибки из-за недалёковидности и неспособности использовать прошлый опыт во благо будущего⁶⁶. Зрелые люди, в свою очередь, способны учитывать свой прошлый опыт, чтобы оценивать возможное развитие ситуации в будущем и в соответствии с этим принимать верные решения в настоящем⁶⁷.

В то время как у Гомера можно встретить лишь редкие упоминания о качественной разнице между поколениями и о превосходстве предшествующего поколения над последующими (об этом говорит, в частности, Нестор, заставший «лучшее» поколение героев, в I.244-84), Гесиод идет гораздо дальше: изображенная у него цепочка поколений составляет панорамную картину человеческой деградации, утраты разума и коллективного знания⁶⁸. При этом в рамках сюжета о пяти поколениях физический возраст релятивируется и оказывается обратным ментальному: представители самого молодого и неразумного поколения стареют быстрее всех⁶⁹, в то время как представители самого древнего и разумного (обладающего большим багажом коллективного знания) золотого поколения вечно остаются молодыми.

Социальные факторы, играющие чрезвычайно заметную роль в связи с темой знания, выражены у Гомера в нескольких аспектах. Одним из самых

ἀτὰρ μὲν νῦν γε παῖς ὡς νήπια βάζεις). Ср. признание Телемаха в xviii.228-9 (=xx,309-10) о том, что в более раннем и не совсем сознательном возрасте он не был способен различить хорошее и дурное.

⁶⁵ Так, в XIII.91-3 упомянуто сразу несколько героев «второго плана» (Тевкр, Пенелей, Мерион, Антилох), которые характеризуются как *κοῦροι νέοι*.

⁶⁶ В XXIII.587-90⁶⁶ Антилох, успокаивая Менелая, раздраженного его хитрой уловкой во время соревнования колесниц, признаёт свою неправоту, ссылаясь на свойственные молодости ошибки, и говорит о том, что Менелай старше и мудрее его.

⁶⁷ Наиболее наглядно разница между молодыми и зрелыми представлена в III.108-10.

⁶⁸ Ср. подробное описание утраты традиционных норм поведения в OD 186-97 (в рамках повествования о людях «железного века»).

⁶⁹ У последних представителей этого поколения признаки старости будут видны уже с рождения (OD 180): [...] *γεινόμενοι πολιοκρόταφοι τελέθωσιν*.

очевидных является зависимость отношения к знанию персонажа от его социального ранга. В связи с фигурами героев-лидеров лучше всего видна роль знания (разума, определенных навыков), поскольку оно необходимо для достижения и удержания высокого статуса⁷⁰. Знание приобретает тем больший вес, чем меньше у героя возможности (из-за возраста, в ситуации мирного времени и т.д.) поддерживать свой статус военными успехами⁷¹. Применительно к Гомеру нельзя говорить о наличии жесткой шкалы, позволяющей адресату информации однозначно-объективно оценивать передаваемое знание. В зависимости от ситуации баланс объективных (статус⁷²) и субъективных (отношение адресата к содержанию и/или форме информации⁷³) факторов может смещаться. Тем не менее, как следует из проведенного анализа, можно выделить вполне четкий набор критериев, среди которых социальный статус играет первостепенную роль. У Гесиода, обращающегося к *δειλοί*⁷⁴, а не к элите, гомеровская схема ставится с ног на голову:

---

⁷⁰ Так, Нестор сохраняет свой статус главного советчика при Агамемноне, потому что обладает богатым опытом и представляет старшее и славное поколение, о котором большинство ахейцев знает лишь понаслышке (ср. комплимент Агамемнона в адрес Нестора как лучшего советчика в II.370-4). В свою очередь, от Агамемнона, как предводителя ахейцев, ожидают, что он знает лучше других, как нужно действовать (II.79-83).

⁷¹ Ср. случай с Эхенеом, старейшиной и советчиком при царе феаков Алкиное, сохраняющим свой статус благодаря богатому опыту и дару красноречия (vii.156-7: *ὄς δὲ Φαιήκων ἀνδρῶν προγενέστερος ἦεν / καὶ μύθοισι κέκαστο, παλαιά τε πολλὰ τε εἰδώς*).

⁷² Так, в II.79-83 Нестор подчеркивает, что лишь статус Агамемнона компенсирует недостаточную убедительность его рассказа на совете.

⁷³ Ср. знаменитые слова Алкиной⁷³, обращенные к Одиссею по завершении первой части его пространного рассказа о собственных путешествиях (xi.363-9). Очевидно, что Алкиной не может верифицировать ни статус Одиссея, ни достоверность его рассказа. Однако содержание и форма информации, а также то, как искусно эта информация подается ему и другим присутствующим на пиру феакам, вызывают у него доверие.

⁷⁴ В OD 214 адресат рассказчика Перс характеризуется как *δειλός βροτός* (т.е. как представитель низшего слоя общества) и противопоставляется *ἔσθλος* (т.е. представителю высшего слоя общества).

не простые люди должны поддерживать избранных, а избранные должны заботиться о простых людях (а не о собственной славе, как у Гомера)⁷⁵. В свою очередь, простые люди контролируют соответствие поступков элиты (правителей) идеалам поведения⁷⁶. Низшим слоям общества передается огромный массив знания, которое должно помогать им преодолевать тяготы повседневной жизни. Отличие от гомеровской схемы разительно: в «Илиаде» и «Одиссее» основным знанием обладают герои, а наиболее высокая социальная позиция предполагает наивысшую степень компетентности и, соответственно, наибольшего количества знания.

В «Илиаде» и «Одиссее» есть явные признаки **социального распределения знания**. Один из самых очевидных аспектов **коллективного знания** в гомеровских текстах – специфически-ролевое, релевантное для ограниченной группы людей знание (лексически связанное, в первую очередь, с группой *ἐπίστομαι*), т.е. определенные навыки, необходимые для выполнения конкретных функций (плотника, воина, возницы, мореплавателя, охотника и т.п.). В целом к коллективному знанию у Гомера относится знание, релевантное для широкой группы людей (как ограниченное, так и не ограниченное профессиональной специализацией), в том числе знание о мировом устройстве⁷⁷, о структуре человеческого общества⁷⁸ и о принципах поведения индивида в этом обществе⁷⁹. У Гесиода, несмотря на меньшую роль коллективного знания (по причине более ярко

---

⁷⁵ У Г. Занкера (Zanker, Graham. “The Works and Days: Hesiod’s Beggar Opera?”. *BICS* 33 (1986), 33ff.) этот контраст показан на конкретных примерах: II. I.186ff., II.188-206 и II.211-77 (знаменитый эпизод с Терситом).

⁷⁶ Так, в OD 256-69 рассказчик буквально требует от царей соблюдать справедливость, напоминая им о *Δίκη* и об исходящей от всезнающего Зевса каре за несправедливость.

⁷⁷ Например, о том, что только боги могут предвидеть будущее (III.308-9).

⁷⁸ Например, о «вертикальной структуре» общества и о необходимости лишь одного правителя (ср. речь Одиссея в II.198-206).

⁷⁹ Так, гомеровский индивид, являющийся *ἀγαθός* (т.е. принадлежащий к «избранным», к героям-лидерам), должен соблюдать целый набор важных требований: приносить жертвы богам (XXIV, 425), не преступать нормы морали в отношениях с женщинами (VI.192; ср. указание на поведение Эгисфа в I.32ff.), соблюдать правила битвы (VII.282=293) и т.п.

выраженной роли индивидуального, а также из-за того, что в «Теогонии» фокус повествования сосредоточен на божественной сфере), можно найти почти все элементы этого знания (ролевое знание⁸⁰, представления о мировом порядке и об обязанностях индивида в обществе⁸¹), встречающиеся у Гомера. Кроме того коллективное знание фактически оказывается инструментом разрешения конфликта между рассказчиком и его братом.

Даже при явном преобладании у Гомера коллективного начала **индивидуальное знание** занимает вполне прочное и четко обозначенное (отчасти и лексически: через *νοέω* и другие глаголы мышления) место. Индивидуальным можно назвать знание о каком-то событии, факте или ситуации, полученное через зрение, слух или посредством размышления (без вмешательства богов) и не являющееся традиционным знанием, передаваемым через воспитание/обучение и/или релевантным для широкой группы персонажей. Сюда относится, в первую очередь: 1) хранящийся в памяти индивидуальный жизненный опыт конкретного героя (манифестированный, в частности, посредством лексики группы *οἶδα*)⁸²; 2) сиюминутные продукты мыслительного процесса (вторичное знание, лексически представленное, в частности, глаголом *νοέω*⁸³). У Гесиода индивидуальное знание

---

⁸⁰ Помимо двух основных для «Трудов и дней» сфер деятельности – земледелия и скотоводства – Гесиод подробно говорит о мореплавании (OD 660-91).

⁸¹ См. выше о требованиях рассказчика к правителям. Ср. тж. описание государства под властью идеальных правителей (OD 225-39). У Гесиода, как и у Гомера, говорится о качествах, которыми должен обладать представитель «элиты». Однако набор качеств несколько другой, т.к. центральное место у Гесиода отдается не доблести (*ἀρετή*) и смежным качествам (например *αἰδώς*), а справедливости (*δίκη*) по отношению ко всем без исключения.

⁸² Индивидуальный опыт героя, в т.ч. выраженный посредством лексики, манифестируется в устной коммуникации, например, когда герой уже знает что-то, о чем ему пытается сказать другой ((*εὖ/σάφα*) *οἶδα καὶ αὐτός/αὐτή*), и когда герой уверен или не уверен в достоверности своего знания (*σάφα οἶδα* и *σάφα δ' οὐκ οἶδ' εἶ*).

⁸³ Ср. тж. другие гомеровские глаголы мышления: *μήδομαι*, *μητιόμαι*, *οἶμαι*, *ὀρμαίνω*, *φρονέω* и др. Способность гомеровского героя к анализу, в том числе и к пониманию мыслей другого (т.н. «интеллектуальное зрение», предполагающее «прямой контакт» с мыслями другого и

предстает совершенно в ином контексте: персонализированный рассказчик «Трудов и дней» и «Теогонии» радикально отличается от обезличенного рассказчика «Илиады» и «Одиссеи». Знание передается не абстрактной аудитории, а вполне конкретному адресату. Именно поэтому, несмотря на небольшое количество персонажей-людей, персональное знание⁸⁴ выходит на передний план, вне зависимости от того, является ли оно частью литературной фикции или же имеет под собой реальную биографическую почву. Рассказчик оказывается медиатором, транслирующим утерянные в ходе смены поколений элементы коллективного знания, важные для его адресата как представителя простых людей «железного века».

Обзор итогов работы представлен в ЗАКЛЮЧЕНИИ, где подчеркнута внутренняя взаимосвязь всех составляющих предпринятого исследования. Выводы, касающиеся лексики знания в первой части работы, стали основой рассуждений в третьей главе: связь лексики знания со зрением и слухом вышла на первый план при анализе источников знания, а обоснованное в первой части разграничение первичного и вторичного знания, равно как и соображения по поводу соотношения лексических групп *οἶδα* и *νοέω*, стали одним из важнейших элементов рассуждения относительно индивидуального и коллективного знания. Мотивы знания (абсолютное знание, недостаточное знание, опытность/неопытность), также упомянутые в первой главе в ходе разбора лексических групп, вновь оказались в центре внимания во второй (в связи с Прометеем/Эпиметеем и Зевсом, Одиссеем и Антилохом, соответственно) и в третьей части работы: мотивы, связанные с

исключающее субъективный фактор), является основой для принятия им самостоятельных решений, не зависящих от влияния богов. Эта способность героя принимать разумные, обдуманые решения, наиболее явно описанная в XVII.469-70 (ср. VI.234-6 и XIX.137-8), обозначает границу между его собственной и божественной волей.

⁸⁴ Например, в OD 27-41, где фрагментарно описаны обстоятельства тяжбы рассказчика с братом, в OD 650-9 (в описании плавания на Эвбею) или во вступлении к «Теогонии», где излагается история встречи рассказчика с музами.

божественным знанием, нашли свое отражение в разделе о границе между богами и людьми, а мотивы опытности/неопытности – в анализе трех возрастных групп у Гомера. В свою очередь, проблематика, затронутая при анализе примеров во второй части работы (всезнание Зевса; оппозиция юность/зрелость в конфликте Антилоха и Менелая), была развита в третьей части (см., соответственно, разделы о границе между богами и людьми и о трех возрастных группах). Таким образом, сформировались своего рода логические цепочки, соединяющие три заявленных уровня анализа: например, от семантики *οἶδα*, подробно проанализированной в первой главе, через мотив абсолютного знания и разбор конкретного воплощения этого мотива в OD 47-105 и Theog. 507-616 (вторая часть) к проблематике индивидуального знания как индивидуального жизненного опыта в третьей главе диссертации.

В итоге семантический анализ лексики, с одной стороны, стал фундаментом для вычленения и разбора основных мотивов, формирующих тему знания, весьма значимую для поэтики древнегреческого эпоса. С другой, специфика реализации этой темы как на языковом, так и сюжетном уровне позволила очертить главные характеристики знания как одной из составляющих архаической картины мира, отраженной в эпических текстах. При всей универсальности этой картины удалось в том числе обозначить и некоторые «разночтения» в ее трактовке Гомером и Гесиодом (более резкая противопоставленность божественного и человеческого знания у последнего, инверсированная трактовка соотношения знания и возраста и т.д.). Анализ отдельных мотивов и эпизодов, связанных с темой знания, позволил проследить зависимость ее интерпретации от литературных целей и жанровых особенностей произведений (например, разная трактовка дихотомии всеведение/обман в «Трудах и днях» и «Теогонии»). Таким образом, филолого-литературоведческий анализ оказывается способным привести к выводам историко-культурного характера и в то же время продемонстрировать функционирование социо-антропологических концептов на уровне языка и поэтики конкретного произведения и литературного жанра.

Основные тезисы диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Фигура героя в гомеровской «Одиссее» и проблема личности // Развитие личности. М., 2005. № 3 – С. 69-81.
2. Законы гостеприимства и Полифем // Развитие личности. М., 2006. № 2 – С. 91-104.
3. Гомер и знаки (концепция «устной поэтики Дж. М. Фоли) // Межвузовская IX научная конференция студентов-филологов. СПб., 2006 – С. 82-3.
4. Глаголы знания в «Илиаде» и «Одиссее». // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М., 2009. № 6 – С. 77-93.